УДК: 316.422:355.1(470)"17/18"
Цыбаков Дмитрий Леонидович – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ (Российская Федерация, г. Орёл), e-mail: d413839@yandex.ru

РЕФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ НАЧАЛА XVIII –КОНЦА XIX СТОЛЕТИЙ

В статье раскрываются актуальные проблемы развития государственного управления военной организацией Российской Империи периода политической модернизации начала XVIII – конца XIX столетий. Автор анализирует взаимосвязь между уровнем милитаризации имперской государственности Нового времени и структурной организацией вооруженных сил России. Аргументируется наличие в системе военной организации государства основных компонентов – кадрового, милиционного и кадрово-милиционного. Доказывается, что реформы начала XVIII – начала XIX веков ставили своей целью усиление кадрового компонента вооруженных сил Российской Империи. В результате в структуре русской армии народное ополчение перестало выступать самостоятельным институтом, действующим на постоянной основе. Доказывается, что прерывание традиции развития милиционных частей сыграло негативную роль при создании в 1870–1890-е гг. российского варианта массовой призывной армии.

Ключевые слова: вооруженные силы, военная организация, военные реформы Петра I, милитаризм, гвардия, поместное ополчение, военная реформа Д.А.Милитина.

TSYBAKOV D. L. – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Science and Public Policy of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel),
e-mail: d413839@yandex.ru

REFORMING THE STRUCTURAL ORGANIZATION OF THE RUSSIAN ARMED FORCES: HISTORICAL EXPERIENCE OF THE EARLY XVIII-LATE XIX CENTURIES

The article reveals the actual problems of the development of the state management of the military organization of the Russian Empire during the period of political modernization of the the early XVIII-late XIX centuries. The author analyzes the relationship between the level of militari-

zation of the Imperial statehood of Modern times and the structural organization of the Russian armed forces. The article states for the existence of the military organization of the state of the main components – staff, and personnel of the militia, the militia. It is proved that the reforms of the early XVIII-late XIX centuries aimed to strengthen the personnel component of the armed forces of the Russian Empire. As a result, in the structure of the Russian army militia ceased to act as an independent institution, acting on a permanent basis. It is proved that the interruption of the tradition of development of police units played a negative role in the creation of the Russian version of the mass conscription army in the 1870s-1890s.

Keywords: armed forces, military organization, military reforms of Peter I, militarism, guard, local militia, military reform of D.A. Militin.

Во все периоды реформирования институтов государственной власти особое место занимает решение вопроса о преобразовании вооруженных сил, приведении принципов, методов и способов их функционирования в соответствие с требованиями общественно-политического и политико-экономического развития. Для отечественной традиции государственного строительства во все исторические периоды наличие эффективной военной организации, воплощенной в российской версии политики милитаризма, оставалось краеугольной проблемой, решение которой прямо определяло перспективу сохранения национального суверенитета и независимого курса страны на международной арене. Заслуживает поддержки мнение ведущего российского военного историка В.В. Пенского о том, что отставание в перенимании новинок военной теории и практики неизбежно вело к превращению не способного к модернизации государства из субъекта международных отношений в объект [6, с. 16]. Кроме того, структурная организация вооруженных сил непосредственно влияла и на состояние внутренней политики. Военный фактор, во многом обусловленный структурной конфигурацией армии и других вооруженных формирований, способен проявлять себя в периоды политической нестабильности и системных кризисов общества, оказывая решающее воздействие на исход борьбы за верховную государственную власть.

Так, во второй четверти XVIII столетия выделение военной элиты в лице гвардейских полков на фоне ликвидации прежних представительских властных институтов обусловило наступление совершенно нового периода исторического развития, вошедшего в анналы как «эпоха дворцовых переворотов». Россия в указанное время представляла собой предельно милитаризованное государство не только в военном, но и в политическом отношении. По точному замечанию М. Бойцова, «офицеры выходили на политическую сцену не для того, чтобы оказывать давление на гражданские, легальные органы власти, а чтобы подменить их» [9, с. 5–20]. В свою очередь стремление самодержца Петра Великого создать вооруженную опору абсолютистской монархии было продиктовано не в последнюю очередь опасностью для трона со стороны анархического милитаризма стрелецких полков, в период 1680–1690-х гг. открыто претендовавших на статус «преторианцев» при московском престоле. Например, в ходе пятимесячного восстания

1682 г., известного как «хованщина», им удалось поставить под свой контроль верховную власть в государстве [2, с. 419]. Два столетия спустя переход ко всеобщей воинской повинности в период военной реформы Д.А.Милютина обернулся политизацией массовой армии периода первой мировой войны, что привело к краху имперской России.

Таким образом, структурная организация вооруженных сил, принципы их комплектования и содержания на деле оказываются продиктованы не только сугубо военными соображениями, но и мотивами идейно-политического порядка. Последние отражают соотношение социально-политических компонентов того или иного общества и характер взаимодействия между военной и гражданской сферами жизнедеятельности. Типы и формы милитаризации политики весьма многообразны. Необходимо учитывать, что обладание вооруженной силой во все исторические периоды было присуще не только государственным институтам. Представители разных эпох и идеологических течений обосновывали необходимость формирования военной организации, отстаивающей помимо государственных также общественные, классовые или групповые интересы. Устойчивым было убеждение о наличии некоей «народной формы» милитаризма. Подтверждением тому может служить известное изречение Т. Джефферсона: «каждый гражданин – солдат, каждый солдат – гражданин» [10].

Идейные противники буржуазного либерализма в лице теоретиков коммунистических и социалистических учений также отстаивали наличие права обладания вооруженной силой для различных общественных групп, что нашло выражение в доктринах «самодеятельной вооруженной организации населения» и «особых отрядов вооруженных людей» в революции, «всенародной военной организации». Общим местом для общественной мысли начала XX столетия стал тезис о том, что вооруженные силы выступают не только инструментом достижения целей, но и гарантом единства и стабильности общества, когда возможность обучения всех граждан военному делу позволит фактически организовать силу политической нации.

Имеет смысл предположить, что со временем развитие мирового военного искусства привело, отчасти стихийно, отчасти теоретически и доктринально обоснованно, к формированию основных организационных компонентов вооружен-ных сил, которые отличает вневременной и универсальный характер. Примерная модель военной организации государства включает в себя три основных и один вспомогательный элементы.

Ядром вооруженных сил всегда выступал кадрово-профессиональный компонент. В традиционном обществе он был представлен дружинами верховных феодалов, служивших на договорной основе своим сюзеренам. По мере становления абсолютизма самодержавная власть неизбежно усиливала кадровый компонент, выделяя его из системы милиционной военной организации и подчиняя непосредственно престолу. Так, во Франции с XV – XVI вв. в таком качестве выступали «ордонансные роты» элитной рыцарской конницы, а в Османской империи в то же время – корпус *капыкулу*, включавший в

себя янычарскую пехоту, артиллеристов, оружейников, саперов и другие подразделения обеспечения. Если в первом случае основа будущих регулярных частей состояла из военных аристократов и их боевой свиты, то в османском варианте первоначально речь шла о личных рабах султанов, связанных обязательством пожизненной военной службы.

В России кадровый прообраз будущей регулярной вооруженной силы заявляет о себе с правления Ивана IV. Именно в таком качестве выступал не только известный и ранее Государев двор, комплектуемый из числа выходцев из наиболее знатных и заслуженных дворянских родов, но и сформированная при личном участии государя «Излюбленная тысяча» – кадровый стержень поместного ополчения, а также первые стрелецкие приказы. Столетие спустя кадровую опору российского войска помимо архаичных дворянских формирований и стрельцов составляют 1-й и 2-й Московские Выборные полки солдатского строя [5, С. 91, 626]. Закономерно в петровское правление на основе «потешных» частей 3-го Московского Выборного полка развертывается царская лейб-гвардия – Преображенский и Семеновский полки, давшие начало будущему гвардейскому корпусу, вплоть до первой мировой войны остававшемуся цементирующим элементом кадровой русской императорской армии.

Кадровый компонент военной организации государства во все исторические эпохи совмещался с иррегулярными формированиями ополчения. Милиционный компонент создавался по территориальному принципу, когда полноправные граждане совмещали обладание оружием с занятием мирным трудом. В Средние века именно указанный элемент полностью доминировал в сфере военного искусства: сначала – как ополчение свободных общинников, затем, в период развитого феодализма, – как ополчение военных профессионалов – рыцарей, шляхтичей или поместных дворян. В связи с революцией в военном деле, развернувшейся в контексте индустриализации и капиталистической модернизации, милиционные силы утратили свое значение, уступив место регулярным армиям. Однако и до сего дня в большинстве стран мира иррегулярный элемент в форме «национальной» или «гражданкой» гвардии, «народного ополчения», «сил народной обороны» составляет неотъемлемую часть организации вооруженных сил в государствах с различным политическим строем.

Для российской практики военного строительства милиционный компонент в течение многих столетий являлся фундаментом военной организации государства. Изначально, в Древней Руси, он был представлен ополчениями славянских и финских племенных союзов, затем, в период феодальной раздроблен-ности, – боярскими дружинами и «городовыми полками», где в качестве ополченцев выступали профессиональные дружинники-вои. В Русском централизованном государстве их заместили дворяне и дети боярские, составлявшие поместное ополчение, а также контингенты поволжских, сибирских и уральских народностей, вошедшие в российское подданство. Значение милиционного компонента вооруженных сил было столь велико, что в годы Смуты начала XVII в. под этим термином понимали полностью отмобилизованный вооруженный ресурс русской нации, а в более широком

смысле – ее опорный военно-политический институт, предназначенный для восстановления легитимного государственного строя.

Милиционные формирования периода Московской Руси отнюдь не сразу канули в Лету с началом петровской модернизации вооруженных сил, хотя их значение стало ослабевать еще со времен русско-польской войны 1654–1667 гг. На протяжении всего петровского правления и долгое время спустя различные служилые корпорации служилых людей как «по отечеству» (дети боярские и мелкопоместные дворяне), так и «по прибору» (городовые казаки, засечные сторожа), сконцентрированные преимущественно по степным южным, юго-западным и юго-восточным границам, в качестве иррегулярно-милиционного элемента дополняли собой регулярную армию европейского образца, строительство которой при Петре Великом достигло своего успешного завершения. Более того, российский император объединил разрозненные группы служилых людей бывших приграничных уездов в особое сословие – однодворцев, которые и были включены в новую иррегулярную вариацию вооруженных сил – ландмилицию, что в буквальном переводе с немецкого языка должно означать «земельное войско».

С перерывами она просуществовала с 1713 по 1769 г., будучи обязана своим появлением энергии императора Петра I [6, с. 147]. Первый неудачный опыт ее создания на северо-западной границе относят еще к 1710 г. Ландмилицкие части являли собой полурегулярные войска, сформированные по территориальному принципу и содержавшиеся за счет налогообложения местного населения, то есть однодворцев и государственных крестьян тогдашних Белгородской и Азовской губерний, которые охватывали территории, расположенные между бывшими Большой Засечной и Белгородской засечной чертами. Число ландмилицких полков, которые именовались по названиям городов и уездов, откуда происходили конные ополченцы–однодворцы, в течение полувека варьировалось от 10 до 20. Первыми из них имена своих родных городов по указу императора Петра II от 6 ноября 1727 г. получили Севский, Орловский, Курский, Брянский, Путивльский и Рыльский полки, ранее называвшиеся по фамилиям своих командиров. В свою очередь, начиная с 1732 г. три сверхкомплектных однодворцев полка были передислоцированы на восточные рубежи, где составили Закамскую ландмилицию.

Помимо указанных формирований значительное место в милиционных контингентах занимали различные категории малороссийского казачества: реестровые, слободские, компанейские, чугуевские. Причем известный русский военный историк А.Б. Баиов констатировал, что малороссийскими казаками, в отличие от донских, как боевой силой пользовались в ограниченных размерах [1, с. 46]. Примерно таким же было и отношение к ландмилиции, которая, имея превосходный во всех отношениях рядовой состав, на протяжении многих лет почти не проходила строевого обучения, боевого слаживания и не пополнялась грамотными командирами.

Фактическим завершением истории милиционных формирований в составе российской военной организации следует признать период подготовки и ведения «екате-

ринских войн» с Османской империей, то есть 1763–1791 гг. Именно в указанный период иррегулярные контингенты в своем большинстве были переформированы в пехотные или кавалерийские части регулярной армии. Так, по Указу от 15 декабря 1763 г. вместо двадцати конных полков украинской ландмилиции было создано десять пеших и один конный полк, причем первые после 1767 г. стали именоваться «пехотными», а после героического участия в штурме турецкой крепости Бендеры в 1770 г. были окончательно приравнены к полкам регулярной армии. Малороссийские казачьи полки, исключая Чугуевский, просуществовавший до 1816 г., также в 1760-е гг. были преобразованы в части регулярной кавалерии. Однодворцы и казаки, не вошедшие в армейские соединения, накануне войны 1787–1891 гг. включались в состав Екатеринославского казачьего войска, а после его упразднения в 1796 г. пополнили собой ряды Кавказского казачьего линейного войска.

Обобщим, что по завершении екатерининской эпохи милиционный компонент был окончательно вытеснен на периферию военной организации России. Его остаточные элементы сохранялись лишь в казачьих войсках, дополняя собой их регулярные части, а также среди некоторых кочевых и горских народов империи. Наиболее известны из последних Калмыцкое и Башкиро-Мещерякское иррегулярные войска. Если первое упразднили в 1815 г., то второе – только Согласно «Положению о башкирах» от 14 мая1863 года.

Таким образом, как постоянно существующий институт вооруженных сил милиционно-иррегулярный компонент императорской армии на деле был в своей основе ликвидирован к 1790-м гг. и не охватывал собой население государственно образующей русской нации. Восстановление милиционного начала в вооруженных силах на протяжении судьбоносных войн XIX столетия носило экстраординароный и кратковременный характер. Так, в разгар войны с Наполеоном в соответствии с Манифестом императора Александра I «О мерах составления и образования повсеместных временных ополчений и милиции» от 30 ноября /12 декабря 1806 г. создается государственное ополчение под наименованием «Земского войска», упраздненное после Эрфуртского мирного договора 1807 г. С началом Отечественной войны согласно Манифестам Александра I от 6 и 18 июля 1812 также было учреждено ополчение, подразделяемое на земское и казачье, сыгравшее определенную роль в отражении и разгроме «Великой армии» Наполеона Бонапарта. Милиционные формирования, в ходе войны вошедшие в подчинение крупным войсковым соединениям регулярных войск, были распущены к 1815 г. Последнее по времени возрождение иррегулярных частей как относительно самостоятельной подсистемы военной организации произошло в период Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. Согласно Указу Императора Николая I от 2 апреля 1854 года на Балтике формировалось «Государственное морское ополчение». Спустя почти год, по Указу от 9 января 1855 г., было образовано «Подвижное ополчение», в основном прикрывавшее тыловые и прибрежные районы и вновь распущенное сразу по окончании военных действий.

Во время реформы Д. Милютина, вводившей всеобщую воинскую повинность, термин «ополчение» опять занял свое ме-

сто в доктринальных документах военного ведомства. Согласно Уставу 1874 г. и «Положению о Государственном ополчении» 1876 г. вводилось постоянное Государственное ополчение, в состав которого формально включались все православные российские подданные в возрасте до сорока лет, способные носить оружие. Однако на деле указанные документы носили декларативный характер. Государственное ополчение не оформилось в устойчивую организационную структуру, которая бы могла проводить боевую подготовку и обладала для этого кадровым и материальным потенциалом. Кадры государственного ополчения стали создавать только после 1891 г., прекратив их обучение в 1903 г., а годом спустя было прервано и проведение сезонных сборов с ополченцами, которые проводились в некоторых губерниях. Поэтому в военных катаклизмах конца XIX – начала XX столетий ополчение не выступало в качестве самостоятельного звена вооруженных сил, представляя собой не более чем вспомогательный корпус массовой призывной армии, в большой спешке формируемый только с началом очередной войны. Опыта развертывания милиционных сил во время Балканской войны 1877–1878 гг. получено не было, поскольку о его созыве не объявлялось, исключая пополнение армии несколькими соединениями. В период русско-японской и первой мировой войн ополчение также не выделяется в полноценного компонента военной организации, составив резервный сегмент регулярной армии военного времени.

Третьим элементом организационной структуры вооруженных сил национальных государств Нового и Новейшего времени следует признать кадрово-милиционный компонент. Его далеким предшественником выступали римские легионы периода республики и ранней империи, комплектуемые из числа свободных граждан. Ренессанс кадрово–милиционной организации приходится на эпоху буржуазных отношений. Первые опыты в данном направлении были проделаны в рамках т.н. «протестантской» военной школы, представленной нидерландской, британской, шведской армиями и войсками северогерманских лютеран. Линейная тактика этих армий сочеталась с добровольческим и рекрутским способами комплектования, что позволило со временем отправить на периферию военного искусства наемные воинские формирования эпохи позднего феодализма. Торжество новой организационной структуры объясняется исследователями совмещением по времени морально-религиозного, промышленно-экономического и собственно военного факторов. Упрощенно данное обстоятельство нашло выражение в крылатой фразе В. Зомбарта, цитируемой русским советским военным теоретиком М. Свечиным: «Пуританизм, милитаризм и капитализм требуют тождественных добродетелей» [8, с. 179].

Однако своего расцвета кадрово-милиционная система достигла по мере успехов всесторонней модернизации и упрочения индустриального общества. Тектонические сдвиги в социально-классовой структуре передовых промышленных держав Европы породили массовые призывные армии, основанные на всеобщей воинской повинности.

Вооруженные силы массового призывного типа, где рядовой состав, а в случае

полномасштабных военных действий и командный, состоит из граждан, не в полной мере прошедших процесс воинской социализации. Впервые кадрово-милиционный компонент вооруженных сил учреждается в революционной Франции. В течение трех десятилетий он позволял и республиканским, и наполеоновским войскам превосходить армии других европейских держав, отягощенных пережитками военного искусства феодальной эпохи.

В России кадрово-милиционный принцип организации вооруженных сил был внедрен в период либеральных реформ 1860–1870-х гг. в связи с системным кризисом имперской военной организации после Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. Непосредственным толчком для реформы Д. Милютина стал разгром Франции во время франко-прусской войны, решающую роль в котором отводили наличию у германцев действенного механизма пополнения кадровой армии обученными резервистами. В то же время внедрение в российской военной организации кадрово-милиционного компонента существенно отличалось от зарубежных аналогов. От военной службы в своем большинстве под тем или иным предлогом освобождались все просвещенные категории российских подданных, большинство призываемого контингента составляло малограмотное крестьянство. Вплоть до мировой войны не было создано системы вневойсковой подготовки. Милиционный компонент в российских вооруженных силах на постоянной основе отсутствовал на протяжении уже полутора столетий, не считая отдельных национальных формирований. Таким образом, русская армия оказалась лишена действенного механизма, позволяющего провести воинскую социализацию российского общества.

Ключевое значение в осмыслении степени успешности внедрения концепции «вооруженного народа» в практике военного строительства Российской Империи имеет мнение видного мыслителя русского зарубежья Головина. По его мнению, в предреволюционном российском обществе отсутствовало понимание идеи общей обязательности воинской службы [3, с. 19]. Во многом это связывалось с дублированием Уставом 1874 г. положений Рекрутского устава 1831 г., который возлагал исполнение воинской повинности на социальные низы.

Отечественное законодательство пореформенного периода было составлено таким образом, что в случае всеобщей мобилизации основные ее тяготы возлагались на определенные возрастные группы зрелых семейных людей, что раскалывало народное сознание в вопросе необходимости защиты национальных интересов страны.

Во многом по этой причине вовлечение кадрово-милиционного компонента военной организации во внутриполитические события обернулось крушением существующего политического строя. Отметим, что спустя семь десятилетий, в период «перестройки» рубежа 1980–1990-х гг., наличие именно кадрово–милиционного компонента как фундамента советских вооруженных сил не позволило эффективно использовать военную силу для борьбы с центробежными и сепаратистскими движениями, обрушившими традиционную российскую государственность.

Помимо перечисленных трех ключевых звеньев организационной системы воору-

женных сил государства необходимо указать и на наличие четвертого их элемента, существование которого имеет факультативный характер. Речь идет о союзных формированиях или «федератах», которые изначально создаются вне государственных институтов и содействуют решению задач обороны, безопасности или внешней агрессии на автономных началах. В указанном качестве в российской военной истории выступало обширное количество субъектов – от наемных варягов, вассальных «черных клобуков» и иных степных кочевников, новгородских ушкуйников средневекового времени до вольного казачества эпохи Русского централизованного государства [4, с. 78–86]. Однако с усилением суверенной государственности и внедрением передовых форм организации вооруженных сил к концу XVIII в. наличие союзного элемента военной организации перестало отвечать и военно-стратегическим, и военно-политическим задачам. В кризисные периоды федераты в лице вольного казачества или же ополчений кочевников нередко выступали в качестве субъекта внутренней политической борьбы, а в военном отношении они уже не имели возможностей на равных противостоять армиям передовых индустриальных держав. В дальнейшем услуги союзных контингентов оказались востребованы главным образом при умиротворении Кавказа и освоении Средней Азии.

Подводя итог, отметим, что реформирование вооруженных сил Российского государства в период начала XVIII – конца XIX столетий было обусловлено потребностями модернизации всех сторон социальной жизнедеятельности, включая и сферу развития военной организации страны. Неотъемлемой частью преобразований имперского периода отечественной истории стало изменение организационной составляющей вооруженных сил, что выразилось в перераспределении внимания и ресурсов самодержавной власти между их основными и вспомогательными компонентами. К началу XVIII века военная организация России представляла в организационном плане комбинацию кадрового элемента – опиравшегося еще на старую традицию пожизненной, но не регулярной службы Государева двора, московских стрельцов и примыкавших к ним выборных полков «солдатского строя» – с милиционными ополчениями поместных дворян, служилыми людьми «по прибору», реестровыми малороссийскими казаками, служилыми татарами и башкирами, а также союзными контингентами донских и запорожских казаков, калмыцкой конницы. В процессе петровских реформ кадровый элемент вооруженных сил был полностью переформатирован на принципах регулярности, представляя собой гвардейские части и профессиональную армию европейского типа. Милиционный компонент российского войска уже в первой четверти XVIII столетия перестал быть его опорным фундаментом, исполняя исключительно вспомогательные функции и прикрывая необъятную степную границу империи.

К окончанию екатерининской эпохи милиционные ополчения, еще сохранявшиеся у малороссийских и слободских казаков и в ландмилиции, окончательно уходят в прошлое. Союзный компонент вооруженных сил в лице служилого казачества также утрачивает остатки своей военно-

политической автономии. Возрождение ополчения как самостоятельного элемента организации вооруженных сил Российской Империи на протяжении XIX столетия было вызвано чрезвычайными обстоятельствами иноземных вторжений или их угрозой. По устранении внешней опасности милиционные формирования немедленно распускались, а опыт их создания и деятельности по большей части оставался невостребованным.

Имеет смысл заключить, что при появлении в период военных реформ 1860–1870-х, нового, кадрово-милиционного организационного элемента вооруженных сил, именно прерывание традиции наличия постоянных ополченческих контингентов сыграло не последнюю роль в том, что российская вариация массовой призывной армии не привела к успешной реализации доктрины «вооруженного народа» в условиях модернизации Российской Империи.

Библиография:

1. Баиов А.Б. Русская армия в царствование императрицы Анны Ионанновны. – СПб.: Электро-Типография Н.Я.Стойковой, 1906. – 394 с.

2. Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. – М.: Наука, 1969. – 439 с.

3. Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. Том 1. – Париж: Товарищество объединённых издателей, 1939. – 211 с.

4. Кислицын С.А. Феномен казачьей сословной квазигосударственности и его значение // Историческая и социально–образовательная мысль. – 2016. – Том 8. – № 4–1. – С. 78–86.

5. Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. – М.: Древнехранилище, 2006. – 625 с.

6. Пенской В. В. Украинский ландмилицкий корпус в XVIII веке // Вопросы истории. – 2000. – № 10. – С. 147 –153.

7. Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. – М.: ЭКСМО, 2010. – 448 с.

8. Свечин А. А.Эволюция военного искусства. Т. I. – М.–Л.: Военгиз, 1928. – 387 с.

9. Со шпагой и факелом : Дворцовые перевороты в России, 1725–1825: Сборник документов и материалов / Сост., вступ. статья М. А. Бойцова. – М.: Наука, 1991. – 594 с.

10. Хантингтон С. Вооруженные силы и демократия. Реформирование военно–гражданских отношений // Век XX и мир. Электронный журнал. 2001. – URL https://studall.org/all2-80592.html (дата обращения: 18.06.2018).

References:

1. Baiov A.B. Russkaya armiya v carstvovanie imperatricy Anny Ionannovny. SPb: EHlektro-Tipografiya N.YA.Stojkovoj. 1906. – 394 s. (In Russ.)

2.Buganov V. I. Moskovskie vosstaniya konca XVII veka. M.:Nauka, 1969. – 439 s. (In Russ.)

3.Golovin H. H. Voennye usiliya Rossii v Mirovoj vojne. Tom 1. – Parizh: Tovarishchetvo ob"edinyonnyh izdatelej, 1939. – 211 s. (In Russ.)

4.Kislicyn S.A. Fenomen kazach'ej soslovnoj kvazigosudarstvennosti i ego znachenie // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. – 2016. – Tom 8. – № 4-1. – S. 78-86. (In Russ.)

5.Malov A.V. Moskovskie vybornye polki soldatskogo stroya v nachal'nyj period svoej istorii. 1656-1671gg. M.: Drevnekhranilishche, - 2006. – 625 s. (In Russ.)

6.Penskoj V. V.Ukrainskij landmilickij korpus v XVIII veke // Voprosy istorii. – 2000. - № 10. – S. 147 – 153. (In Russ.)

7.Penskoj V.V. Velikaya ognestrel'naya revolyuciya. M.: EHKSMO, 2010. – 448 s. (In Russ.)

8.Svechin A. A.EHvolyuciya voennogo iskusstva. Tom I. – M.–L.: Voengiz, 1928. – 387 s. (In Russ.)

9.So shpagoj i fakelom: Dvorcovye perevoroty v Rossii, 1725-1825: Sbornik dokumentov i materialov / Sost., vstup. stat'ya M. A. Bojcova. – M.: Nauka, 1991. – 594 s. (In Russ.)

10.Hantington S. Vooruzhennye sily i demokratiya. Reformirovanie voenno-grazhdanskih otnoshenij // Vek HKH i mir. EHlektronnyj zhurnal. – 2001. – URL https://studall.org/all2-80592.html (data obrashcheniya: 18.06.2018). (In Russ.)